

*Историческое исследование
Василия Яковлева
из Курляндии*
ИУДЕЙСКІЙ СИНЕДРІОНЪ *или
Авм*

И

РИМСКІЕ ПРОКУРАТОРЫ ВЪ ИУДЕѢ

ВО

ВРЕМЕНА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ.

Профессора Императорскаго Юрьевскаго Университета
Протоіерея А. С. ЦАРЕВСКАГО.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія Шнакенбургъ.

1899.

Іудейскій синедріонъ и римскіе прокураторы въ Іудеѣ во времена Христа Спасителя.

ПРИ НАСТУПЛЕНІИ римскаго владычества въ Палестинѣ мы видимъ іудейскій народъ на столько обезсиленнымъ въ религіозномъ и политическомъ отношеніи, что онъ уже не могъ долго противостоять могуществу римлянъ. Съ другой стороны онъ такъ былъ воодушевленъ древнимъ національнымъ чувствомъ, что усиливался всѣми способами сохранить хотя одинъ видъ своей былой самостоятельности, утрачиваемой имъ вмѣстѣ съ крушеніемъ своего государственнаго корабля. Вотъ почему въ то время какъ римскіе прокураторы, подъ главенствомъ тогдашнихъ проконсуловъ Сиріи, утверждали свой трибуналъ въ священномъ для іудеевъ мѣстѣ, когда Іерусалимъ отданъ былъ подъ охрану языческихъ солдатъ, мы видимъ въ послѣднемъ древнія іудейскія учрежденія, которыя лишь постепенно, послѣ упорной борьбы, приведены были въ полное подчиненіе римской власти и совершенно исчезли только вмѣстѣ съ политическою гибелью самого народа, при разрушеніи св. города и храма. Римляне, какъ извѣстно, не уничтожали сразу національныя учрежденія покоренныхъ ими народовъ, но, обыкновенно, старались лишить послѣднія значенія чрезъ постепенное введеніе замѣняющихъ ихъ римскихъ учреждений. Поэтому, естественно, является вопросъ: въ какомъ отношеніи по своей компетен-

ции находились другъ къ другу римскіе прокураторы въ Іудеѣ и іудейскій синедріонъ? Или частіѣ: кто обладалъ тогда высшимъ государственнымъ правомъ, правомъ жизни и смерти, римскій или іудейскій трибуналъ.

Одни, слѣдуя св. Іоанну Златоусту и блаж. Августину, рѣшаютъ этотъ вопросъ такъ, что всѣ тяжкія преступленія, влекшія за собою смертную казнь, но незатрогивавшія религію, подлежали исключительному вѣдѣнію форума прокуратора, преступленія же противъ религіи предоставлены были, согласно древнему обычаю и праву, вѣдѣнію синедріона и только при извѣстныхъ обстоятельствахъ сами іудеи иногда поручали произнесеніе и исполненіе смертныхъ приговоровъ по этимъ преступленіямъ римскому прокуратору. Такъ, напримѣръ, было при осужденіи Спасителя на крестную смерть, когда іудеи рѣшили умертвить Спасителя наканунѣ праздника Пасхи, но сами не могли привести свой приговоръ въ исполненіе въ этотъ именно день и избраннымъ ими способомъ, чрезъ распятіе на крестѣ. Такимъ образомъ по этому взгляду высшее судебное іудейское учрежденіе еще во время Пилата обладало полною самостоятельностью въ судопроизводствѣ и наказаніи по преступленіямъ противъ религіи, за которыя полагалась смертная казнь.

— Напротивъ другіе утверждаютъ, что при римскихъ прокураторахъ іудеи уже утратили самостоятельность въ этомъ отношеніи и свои смертные приговоры по преступленіямъ религіознаго характера обязаны были предоставлять на утвержденіе римскаго прокуратора. Въ подтвержденіе того и другаго взглядовъ ссылаются, обыкновенно, на свидѣтельства Св. Писанія, на сочиненія Іосифа Флавія и на Талмудъ. Разсмотримъ по порядку всѣ эти свидѣтельства, чтобы видѣть, какое изъ двухъ указанныхъ мнѣній наиболее справедливо.

І. Свидѣтельства Св. Писанія.

Обращаясь прежде всего къ Евангеліямъ, мы находимъ въ нихъ повѣствованія о томъ, какъ іудеи старались присвоить себѣ право наказанія смертію за дѣйствительныя или мнимыя преступленія. Такъ они неоднократно пытались умертвить Спасителя: Іоан. v, 18; vii, 1—25; viii, 58 ст. По Іоан. viii, 3 ст. только неожиданный для книжниковъ отвѣтъ Гос-

пода удержалъ ихъ отъ совершенія смертной казни надъ женою взятою въ прелюбодѣянїи.

Правда, при сопоставленіи этихъ мѣстъ, мы видимъ, что имъ нельзя приписывать одинаковаго значенія для рѣшенія занимающаго насъ вопроса, ибо не во всѣхъ ихъ идетъ рѣчь о формальномъ судопроизводствѣ. Такъ упоминаемая въ Евангеліи Іоанна (viii, 3 ст.) женщина была поймана на мѣстѣ преступленія. Ее привели къ Іисусу Христу и указали на законъ Моисея, по которому за подобное преступленіе полагалось побіеніе камнями. Что послѣднее могло быть совершено немедленно, безъ дальнѣйшихъ судебныхъ формальностей, какъ это было въ обычаѣ іудеевъ при такихъ случаяхъ, на это ясно указываютъ слова Спасителя: кто изъ васъ безъ грѣха, первый пусть броситъ въ нее камень (7 ст.). Равнымъ образомъ когда Спаситель вскорѣ послѣ указаннаго случая сказалъ іудеямъ: прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь (58 ст.), то они взяли камни, чтобы умертвить Его. Въ этихъ мѣстахъ, очевидно, нѣтъ собственно рѣчи о формальномъ судебномъ процессѣ.

Иначе, повидимому, слѣдуетъ думать о другихъ упомянутыхъ мѣстахъ. Тамъ говорится, что іудеи искали убить Іисуса (*ζητοῦσιν ἀποκτεῖναι*), причемъ имѣются въ виду книжники и фарисеи, которые давно уже обдумывали свой преступный планъ и искали случая осуществить его не при посредствѣ грубаго насилія, но съ примѣненіемъ всѣхъ законныхъ формъ. И то именно, чего они много разъ искали напрасно, наконецъ удалось имъ, когда настало для этого время (Іоан. vii, 6). Такимъ образомъ въ *ἀποκτεῖναι* этихъ мѣстъ мы должны усматривать нѣчто большее, чѣмъ простое, импровизируемое при извѣстномъ преступленіи побіеніе камнями. Съ другой стороны мы не имѣемъ данныхъ для болѣе точнаго опредѣленія предполагаемаго судебного преслѣдованія, между тѣмъ какъ только послѣднее въ соединеніи съ тѣмъ, что іудеи съ своей стороны могли предпринять для умерщвленія ненавистнаго имъ Учителя, могло бы дать намъ картину самостоятельнаго исполненія смертнаго приговора, объявленнаго формальнымъ судебнымъ порядкомъ.

Обратимся теперь къ послѣдней, подробно описанной въ Евангеліяхъ и вполнѣ удавшейся попыткѣ книжниковъ и фарисеевъ умертвить Спасителя, и посмотримъ, былъ ли соблю-

день здѣсь опредѣленный судебный процессъ. По сказанію Евангелій, Спаситель прежде всего былъ приведенъ въ собраніе синедріона. Предсѣдательствовавшій здѣсь первосвященникъ подвергнулъ Спасителя краткому допросу и затѣмъ спросилъ членовъ синедріона: какъ вамъ кажется? Они же сказали въ отвѣтъ: повиненъ смерти (Мѡ. ххvi, 66).— Отсюда слѣдуетъ, что синедріонъ, не смотря на господство римлянъ въ Палестинѣ, еще существовалъ, собирався по собственной инициативѣ, судилъ по іудейскимъ законамъ и даже произносилъ смертные приговоры. Поэтому едва ли можно считать правыми тѣхъ, которые думаютъ, что іудеи тогда не имѣли права произносить смертные приговоры и что въ данномъ случаѣ синедріонъ проявилъ противузаконное превышеніе власти. У насъ нѣтъ достаточныхъ основаній сомнѣваться, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ приговоромъ, произнесеннымъ сообразно съ дѣйствующимъ правомъ, поелику весь этотъ процессъ, какъ описываютъ его Евангелисты, носить оффиціальныя характеръ, соотвѣтствующій іудейскому судопроизводству. Но хотя смертный приговоръ, объявленный Иисусу Христу синедріономъ, не былъ незаконнымъ превышеніемъ власти, тѣмъ не менѣе послѣдующее за этимъ приговоромъ поведеніе синедріона является довольно страннымъ. Въмѣсто того, чтобы тотчасъ же привести свой приговоръ въ исполненіе, іудеи ведутъ осужденнаго Спасителя къ римскому прокуратору (Мѡ. ххvii, 1).

Нѣкоторые, слѣдуя блаж. Августину, думаютъ, что іудеи поступили такъ потому, что сами наканунѣ праздника Пасхи не могли привести въ исполненіе смертный приговоръ въ силу заповѣди о праздничномъ покоѣ, ибо, какъ свидѣтельствуемъ Гемара Іерусалимская, „канунъ пасхи то же что Пасха“ (Tract. Chagiga iii, 7). Но если вѣрно, что они не могли рѣшиться на это въ праздничный или субботній день, то еще нельзя думать того же о дняхъ предпраздничныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что іудеи высоко чтили пятокъ предъ Пасхою, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы они придавали ему такое же значеніе какъ самой Пасхѣ. Иначе, какъ объяснить тогда, что они осмѣлились произнести свой приговоръ въ день равный тому дню, въ который не должны были висѣть на крестѣ тѣла распятыхъ (Іоан. xix, 31)? Почему тогда огромная толпа народа не считала зазорнымъ присутствовать въ этотъ

день на лобномъ мѣстѣ при актѣ распятія? Почему не только Христосъ Спаситель долженъ былъ нести свой крестъ, но къ этому былъ принужденъ и Симонъ Киринейскій, бывший, судя по его имени, іудеемъ? Какъ въ этомъ случаѣ Іосифъ Аримафейскій и Никодимъ могли рѣшиться на трудъ снятія и погребенія умершаго Спасителя? Наконецъ, мы имѣемъ свидѣтельство Мишны, заставляющее насъ ограничить значеніе вышеупомянутаго положенія Гемары и показывающее, что между пяткомъ Пасхи и самою Пасхою полагалось существенное различіе. Здѣсь въ трактатѣ о Пасхѣ (iv, 5) говорится именно, что галилеяне, старавшіеся вообще превзойти своею ревностію по закону іудеевъ провинціи іудейской, праздновали весь день передъ Пасхою, между тѣмъ какъ послѣдніе предавались обычной работѣ до полудня. Спрашивается теперь, почему іудеи не рѣшились привести въ исполненіе свой приговоръ утромъ этого дня, когда въ это именно время они не побоялись произнести его и затѣмъ явиться со своими обвиненіями къ прокуратору? Очевидно святость кануна Пасхи при этомъ не принималась ими во вниманіе. Если затѣмъ они не пожелали войти въ судилище Пилата, то это мотивировалось не желаніемъ соблюсти священность пятка, а предстоявшимъ вкушеніемъ пасхальнаго агнца и желаніемъ уклониться отъ соприкосновенія съ язычниками. Они именно боялись дома Пилата не какъ дома судіи, но какъ дома язычника, ибо вечеромъ должны были вкушать пасхальнаго агнца (Іоан. xvi, 28). — Не можетъ имѣть при этомъ особаго значенія и ссылка на свидѣтельство Филона Александрійскаго о томъ, что александрійскіе іудеи никого не умерщвляли въ праздничные дни (In Filassum § 10). При ближайшемъ разсмотрѣніи этого свидѣтельства оказывается, что въ немъ имѣются въ виду праздники гражданскіе, а не іудейско-религіозные. Не говоримъ уже о томъ, что оно не касается іудеевъ палестинскихъ. Но если даже свидѣтельство это распространить на іудеевъ палестинскихъ и на праздники религіозные, то и въ этомъ случаѣ оно будетъ относиться только къ самимъ праздникамъ, а не къ днямъ предпраздничнымъ, къ каковымъ принадлежитъ пятокъ предъ Пасхою. Подобное обобщеніе свидѣтельства Филона скорѣе даже можетъ располагать къ тому предположенію, что дни предпраздничные считались наиболѣе удобнымъ временемъ для исполненія смертныхъ при-

говоровъ, исходившихъ отъ синедріона. По свидѣтельству Гемары вавилонской (Tract. Sanhedr. 80, a), приговоренные къ смерти преступники преднамѣренно сберегались до великихъ праздниковъ, чтобы казню ихъ устрашить возможно большее количество іудеевъ, собиравшихся къ этимъ днямъ въ Іерусалимъ.

Если теперь, дѣйствительно, въ самые праздники нельзя было казнить никого, — что изъ Іоан. xix, 31 и изъ талмудическаго трактата Moed Katou V, 2 болѣе видно, чѣмъ изъ свидѣтельства Филона, — и если мы не хотимъ отказать въ довѣріи сейчасъ приведенному свидѣтельству талмуда, подтверждаемому уважаемыми еврейскими учеными Маймонидомъ и Ярхи, то должны думать, что дни предпраздничные и послѣпраздничные дѣйствительно считались наиболѣе пригодными днями для совершенія казни, причемъ послѣдняя по требованію обстоятельствъ могла, конечно, производиться и въ другіе дни. Спрашивается теперь, не былъ ли пятокъ предъ Пасхою изъ всѣхъ дней даже наиболѣе пригоднымъ для упомянутой цѣли устрашенія огромнаго числа іудеевъ, стекшихся къ этому времени въ св. городъ? И тѣмъ не менѣе іудеи ведутъ Христа Спасителя къ прокуратору, такъ какъ не могли будто бы исполнить свой приговоръ въ пятокъ предъ Пасхою! Едва ли, слѣдовательно, такъ легко можетъ быть объясняемо ихъ обращеніе къ чужеземной власти. Оно должно было имѣть болѣе глубокія основанія.

Если бы іудеи не могли никого умерщвлять въ пятокъ предъ Пасхою, то они могли бы сдѣлать это днемъ раньше, ибо взятіе Господа не было вызвано какимъ-либо неожиданнымъ обстоятельствомъ, но давно уже подготовлялось ими. Или почему они не отложили распятіе осужденнаго Спасителя на время послѣ праздника, подобно тому, какъ Иродъ намѣревался поступить съ апостоломъ Петромъ (Дѣян. xii, 4)? Вѣдь желаніе іудеевъ умертвить Спасителя при возможно большемъ стеченіи народа было бы достигнуто въ этомъ случаѣ въ той же мѣрѣ, какъ и въ пятокъ предъ Пасхою. Къ этому присоединяется, что обращеніе къ Пилату не только соединялось съ нѣкоторымъ униженіемъ для синедріона, но подвергало большому риску все задуманное іудеями дѣло, такъ какъ Пилатъ совсѣмъ могъ отмѣнить произнесенный приговоръ и, такъ сказать, разрушить весь планъ ихъ предъ са-

мымъ его осуществленіемъ (Іоан. хviii, 29. 38; хix. 4. 6; Лук. ххiii, 16; Іоан. хix, 10). На это едва ли рѣшились бы іудеи при ихъ національной гордости и разсудительности.

Въ виду всего сказаннаго обращеніе іудеевъ къ Пилату въ пятюкъ предъ Пасхою съ ихъ обвиненіями противъ Іисуса Христа не можетъ быть объясняемо ни общимъ обычаемъ ихъ, ни особыми какими либо, имѣвшими мѣсто въ данномъ случаѣ, обстоятельствами. Тѣ же вышеизложенныя соображенія заставляютъ насъ отклонить и другое мнѣніе, по которому іудеи желали будто бы умертвить Спасителя посредствомъ распятія, практиковавшагося римлянами, и для этого должны были обратиться къ содѣйствію римлянъ, такъ какъ сами не могли пользоваться этимъ способомъ казни (Св. Іоанна Златоуста Бесѣд. 83 на Ев. Іоанна). Если бы подобное желаніе дѣйствительно было у нихъ, то уже указанное выше неудобство, съ коимъ соединялось осуществленіе его, должно было бы заставить ихъ отказаться отъ него. Но на самомъ дѣлѣ сомнительно, чтобы такое желаніе могло быть у нихъ. Іисусъ Христосъ былъ обвиненъ въ богохульствѣ, а за это преступленіе полагалось, по іудейскимъ законамъ, побіеніе камнями. Не гораздо ли удобнѣе было для нихъ воспользо-ваться указаннымъ въ законѣ способомъ умерщвленія ненавистнаго имъ Учителя и побить Его камнями, чѣмъ подвергать все это дѣло риску и многимъ затрудненіямъ, съ которыми необходимо соединялось предоставленіе Спасителя въ распоряженіе римской власти?

Столь же неосновательно и то мнѣніе, по которому члены синаedrіона хотѣли отклонить отъ себя отвѣтственность предъ народомъ за свое нечестивое дѣло и съ этою цѣлью предоставили совершеніе его Пилату. Развѣ народъ не зналъ, что именно синаedrіонъ первый призналъ Спасителя повиннымъ смерти? Не сопровождалъ ли онъ Спасителя отъ одного первосвященника къ другому и не слѣдовалъ ли онъ за Нимъ до преторіи прокуратора? Изъ евангелія Маттея (ххvi, 5) мы знаемъ, что члены синаedrіона отнюдь не боялись вообще убить Спасителя, а боялись только совершить это убійство въ праздникъ, чтобы не произошло возмущенія въ народѣ. Не явно ли они возбуждали народъ къ дикимъ воплямъ противъ Спасителя и не обнаружилъ ли этотъ народъ въ данномъ случаѣ полного единомыслія съ своими руководителями.

Могла ли эта ослѣпленная ими толпа упрекать ихъ, если бы они, не довольствуясь однимъ произнесениемъ приговора, постарались бы сами привести его въ исполненіе? Не должна ли она была, напротивъ, сама желать этого, такъ какъ въ глазахъ ея приговору надъ Христомъ постарались придать угодный ей видъ ревности по закону и вѣрѣ отцовъ и только этимъ отклонили ее отъ божественнаго Учителя, учениемъ и дѣлами Котораго она увлекалась незадолго передъ симъ? Если бы члены синедріона опасались измѣнчивости столь легко увлекавшейся толпы, то они не рѣшились бы выступить столь явно въ качествѣ виновниковъ всего этого дѣла. Ибо каждый при благоразумномъ разсмотрѣніи послѣдняго видѣлъ, что Пилать былъ здѣсь только простымъ орудіемъ синедріона, что главнымъ двигателемъ его былъ синедріонъ, члены котораго и должны были подлежать прежде всего ненависти народной. Такимъ образомъ для насъ все еще остается неразрѣшеннымъ вопросъ: почему іудеи повели Спасителя къ прокуратору, не смотря на окончательный приговоръ синедріона?

Обратимся теперь къ тому, что происходило у Пилата и посмотримъ, нѣтъ ли здѣсь данныхъ для удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса. Когда іудеи привели Спасителя къ Пилату и дерзко отклонили предложенный имъ вопросъ о винѣ Спасителя, то Пилать сказалъ имъ: возьмите Его вы и по закону вашему судите Его (Іоан. хviii, 31). Если вы не хотите, какъ бы такъ говорилъ Пилать, изложить ваше обвиненіе, тогда зачѣмъ вы привели ко мнѣ этого Обвиняемаго? Если вы признали Его преступникомъ вашего закона, то и судите Его, то-есть наказывайте Его по этому же закону. Такимъ образомъ вопреки многимъ экзегетамъ мы не усматриваемъ въ этихъ словахъ ироніи, съ которою Пилать будто бы отвѣчалъ іудеямъ: тогда попытайтесь умертвить Его по вашему закону. Нельзя, по нашему мнѣнію, придавать этимъ словамъ и такого смысла: если Онъ достоинъ смерти по вашему закону, то сами вы и совершите казнь надъ Нимъ. Напротивъ общее выраженіе: судите — *κρίνατε*, которое, конечно, можетъ содержать и мысль о наказаніи смертію, не вынуждаетъ еще насъ думать, что здѣсь специально имѣется въ виду исполненіе смертнаго приговора.

Требованіе Пилата іудеи объявляютъ невозможнымъ, ибо они говорятъ: намъ не позволено предавать смерти

никого (31 ст.). Въ то же время они выставляютъ много обвиненій противъ Спасителя, что Онъ развращаетъ народъ, запрещаетъ давать дань кесарю, называетъ Себя Христомъ Царемъ (Лук. 22 гл.). Тогда Пилать возвращается въ преторію и спрашиваетъ Спасителя: Ты Царь іудейскій? Спрашивается теперь, какъ нужно понимать всю эту сцену и особенно слова іудеевъ: намъ не позволено предавать смерти никого? Если по правиламъ герменевтики не слѣдуетъ безъ особыхъ основаній приписывать мѣстамъ Св. Писанія иной смыслъ, чѣмъ какой буквально выражается въ нихъ, то слова эти нужно понимать такъ, что іудеи указываютъ ими прокуратору основаніе, почему они не наказали обвиняемаго по своему закону. По ихъ словамъ это не дозволено имъ, ибо Обвиняемый повиненъ смерти. Поэтому и слово *хрivate* слѣдуетъ понимать здѣсь не въ спеціальному смыслѣ наказанія смертію, но въ смыслѣ наказанія вообще, иначе іудеи отвѣтили бы Пилату его же собственнымъ выраженіемъ, между тѣмъ какъ они не сдѣлали этого, но замѣнили его болѣе спеціальнымъ словомъ: предать смерти (*ἀποχτείνειν*).

Такимъ образомъ ясно, что Пилать словомъ *хрivate* не предоставляетъ іудеямъ предать смерти обвиненнаго ими Спасителя и что сами іудеи заявляютъ, что имъ это не позволено. Но почему же? Нѣкоторые дополняютъ эти слова такъ: не позволено предавать смерти никого, кто виновенъ въ государственной измѣнѣ и притомъ—въ день праздничный. По этому мнѣнію іудеи не сказали: намъ не позволено въ праздникъ предавать смерти никого—потому, что опасались, какъ бы прокураторъ не отвѣтилъ имъ: тогда предайте Его смерти послѣ праздника. Но пятокъ, какъ мы показали уже, не былъ препятствіемъ для іудейской казни. Не имѣетъ также значенія и другая догадка. Обвиненіе въ государственной измѣнѣ было выставлено іудеями единственно съ цѣлью удобнѣе склонить Пилата къ своимъ намѣреніямъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ ихъ собственный смертный приговоръ мотивировался иначе. Поэтому истинное основаніе, по которому они обратились къ прокуратору, чтобы получить отъ него смертный приговоръ, должно быть иное. Кромѣ того, почему они не говорятъ: намъ не позволено предать Его смерти, ибо Онъ виновенъ въ государственной измѣнѣ? По-

чему они обобщаютъ свое заявленіе, когда Пилать, хорошо, конечно, знавшій компетенцію свою и іудеевъ, могъ тогда же замѣтить невѣрность ихъ обобщенія? Нѣкоторыми это объясняется такъ, что іудеи будто бы выразились при этомъ болѣе точно, но что Евангелистъ Іоаннъ, вообще кратко излагающій исторію страданій Спасителя, опустилъ ихъ слова. Но не говоря уже о томъ, что такое предположеніе совершенно произвольно, оно не можетъ быть допущено и потому, что Евангелистъ не вложилъ бы тогда въ уста іудеевъ столь рѣшительнаго отрицанія *οὐκ—οὐδένα*, ибо подобное удвоеніе всюду означаетъ общее и рѣшительное отрицаніе.

Только въ общемъ смыслѣ могъ понимать эти слова и самъ Пилать. Иначе почему онъ позже, когда не нашелъ Иисуса Христа виновнымъ въ государственной измѣнѣ и когда іудеи, варьируя свои обвиненія, заявили, что Онъ долженъ умереть по ихъ закону (Іоан. ххi, 7), не воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отклонить отъ себя это непріятное дѣло? Этого онъ легко могъ бы достигнуть теперь простымъ повтореніемъ своихъ, обоснованныхъ самими же іудеями, словъ: по закону вашему судите Его. Но по этому закону Христосъ долженъ былъ умереть! Слѣдовательно Пилать могъ говорить такъ только раньше, еще не зная, что здѣсь дѣло идетъ объ осужденіи на смерть. Теперь же, когда это стало извѣстно ему, онъ уже не думаетъ о предоставленіи іудеямъ исполненія ихняго приговора, хотя обвиненіе и было подведено подъ іудейскій законъ. Напротивъ, по свидѣтельству Евангелиста Іоанна (хix, 8), Пилать больше убоялся, когда услышалъ ссылку іудеевъ на свой законъ. Какъ это могло случиться, если бы подобная явная перемѣна обвиненія была бы для Пилата не затрудненіемъ, но удобнымъ случаемъ безъ вреда для себя уклониться отъ этого непріятнаго дѣла, то есть если бы достойное смерти преступленіе противъ іудейскаго закона подлежало всецѣло компетенціи іудейскаго суда? Но прокураторъ ничего иного не нашелся сдѣлать при этомъ, какъ снова выслушать Иисуса Христа, причемъ его полное замѣшательство обнаружилось въ праздномъ въ сущности вопросѣ, предложенномъ имъ Христу: откуда Ты?

Не получивъ отвѣта, Пилать пытается расположить Спасителя къ нему другимъ полусуровымъ полусострадательнымъ

вопросомъ: имѣ ли не отвѣчаешь? Не знаешь ли, что я имѣю власть распять Тебя, и власть имѣю отпустить Тебя (Іоан. xix, 10)? Не выражаетъ ли этимъ Пилать, что онъ могъ отпустить Іисуса Христа, хотя іудеи и обвиняли Его въ тяжкомъ, наказуемомъ смертію, преступленіи противъ ихъ закона? Слова Пилата столь ясны, что ихъ нельзя ослабить никакими толкованіями. Съ ними вполне согласуется и послѣдующее поведеніе іудевъ. Достаточно одного только взгляда на евангельскія извѣстія о всемъ происшедшемъ затѣмъ предъ Пилатомъ, чтобы видѣть, какъ стремительно, съ какимъ волненіемъ и напряженіемъ іудеи стараются достигнуть у него своей цѣли. Невольно является впечатлѣніе, что здѣсь дѣло идетъ не о томъ, раньше или позже, такимъ или инымъ способомъ, по тому или другому предлогу долженъ умереть Іисусъ Христосъ, но о томъ, чтобы вообще осуществить столь долго и старательно лелѣемое желаніе книжниковъ и фарисеевъ, отъ исполненія котораго зависѣло сохраненіе ихъ авторитета и вліянія въ народѣ. — Въ виду всего этого слова іудеевъ: намъ не позволено предавать смерти никого—могутъ быть понимаемы только въ собственномъ, буквальномъ смыслѣ, по коему іудеямъ ни въ какомъ случаѣ не было позволено приводить въ исполненіе надъ кѣмъ бы то ни было смертные приговоры.

Правда, въ видахъ ослабленія полученнаго вывода ссылаются на замѣчаніе Евангелиста Іоанна (xviii, 32), что все это случилось «да сбудется слово Іисусово, которое сказалъ Онъ, давая разумѣть какою смертію Онъ умретъ», причемъ видятъ здѣсь указаніе на то, что въ данномъ случаѣ распятіе было чѣмъ то необычайнымъ и что обычною іудейскою казнію должно было быть побіеніе камнями. Но чтобы правильно понять эти слова, нужно имѣть въ виду многія прежнія неудачныя попытки іудеевъ примѣнить этотъ національный іудейскій способъ казни къ Іисусу Христу. Своимъ пророчествомъ Христосъ Спаситель хотѣлъ означить, что эта послѣдняя вполне удавшаяся попытка будетъ предпринята по всей формѣ, требуемой закономъ. Пророчество это исполнилось вполне, ибо іудеи не побии Спасителя камнями, но сообразно съ закономъ явились къ Пилату, не соблазнились требованіемъ послѣдняго наказать Спасителя по своему закону, вопреки дѣйствующему праву, но

до конца, по крайней мѣрѣ, повидимому шли законосообразнымъ путемъ и такимъ образомъ достигли того, что умерщвление Спасителя произведено было вполне согласно съ римскимъ закономъ и правомъ.

Какъ же согласить теперь съ установленнымъ нами взглядомъ слова Пилата: возьмите Его вы, и распните; ибо я не нахожу въ Немъ вины (Іоан. xix, 6)? Вѣдь Пилать говоритъ здѣсь не о наказаніи вообще (*κρίνειν*), но онъ уже знаетъ, что дѣло идетъ объ осужденіи на смерть и, повидимому, опредѣленно требуетъ отъ іудеевъ совершить этотъ приговоръ. Но уже все сказанное располагаетъ насъ къ мысли, что Пилать совсѣмъ не имѣетъ здѣсь въ виду того, будто іудеи самостоятельно должны исполнить свой приговоръ. Передъ этимъ они обвиняли Спасителя только въ государственной измѣнѣ, каковое преступленіе, по общему признанію, принадлежало къ компетенціи прокуратора. Какъ же теперь на крики іудеевъ: распни, распни Его! — онъ могъ дать отвѣтъ: въ данномъ случаѣ вы сами имѣете право на жизнь и смерть Обвиняемаго, воспользуйтесь этимъ правомъ и распните Его. Если же предположить, что Пилать, вслѣдствіе замѣшательства, допустилъ столь важную судебную ошибку и не сумѣлъ охранить права своего трибунала, — что едва ли было возможно въ римлянинѣ и тѣмъ болѣе въ такомъ человѣкѣ, какимъ былъ Пилать, — то сами іудеи, конечно, не усматривавшіе никакого основанія для совершенія казни, должны были поправить эту ошибку заявивъ, что они не имѣютъ права казнить Обвиняемаго въ государственной измѣнѣ, и затѣмъ выставить свое первое обвиненіе. Что же на самомъ дѣлѣ они говорятъ на эти слова Пилата? Какъ разъ противное. Теперь, когда Пилать изъявилъ намѣреніе предать обвиняемаго въ государственной измѣнѣ Спасителя въ ихъ волю, они начинаютъ настаивать, что по закону ихъ Онъ долженъ умереть. Этимъ они прямо давали прокуратору поводъ сказать: теперь все это дѣло съ его окончательнымъ завершеніемъ принадлежитъ исключительно вѣдѣнію вашего форума. Но они іудеи не ожидаютъ такого отвѣта, ни Пилать не даетъ его имъ, а изъ xix, 8 ст. Евангелія Іоанна мы узнаемъ, что теперь Пилать еще болѣе убоился. Такимъ образомъ подобное пониманіе разсматриваемаго мѣста заставило бы насъ допустить невозможное предположеніе,

будто Пилать дѣло о государственной измѣнѣ предоставлялъ компетенціи іудейскаго суда, а дѣло о преступленіи противъ религіи іудейской присвоивалъ своему суду. Кромѣ того, въ этомъ случаѣ Пилать не сказалъ бы: распните Его, но непременно сказалъ бы: умертвите Его, ибо онъ хорошо зналъ, что іудеи не распяли бы Его, а побили бы камнями.

Но что-же прокураторъ хотѣлъ выразить тѣми словами? Не безъ особаго значенія онъ прибавилъ къ нимъ: «ибо я не нахожу въ Немъ вины». Я не могу, какъ бы такъ говорилъ онъ, распять Его подъ моею отвѣтственностію, ибо нахожу Его невиннымъ; если же вы рѣшаетесь взять эту отвѣтственность на себя, то пусть будетъ такъ, я не буду препятствовать распятію Его. Подобная незаконность не должна удивлять насъ въ лицѣ Пилата, извѣстнаго своимъ эгоизмомъ. Этимъ путемъ онъ хотѣлъ и іудеямъ дать удовлетвореніе и отстранить отъ себя вину несправеднаго приговора. Его омовеніе рукъ для означенія своей невиновности вошло съ этой поры въ пословицу. При такомъ объясненіи ничего не будетъ страннаго и въ выраженіи: распните Его, поелику, хотя Пилать, какъ извѣстно, совершилъ распятіе подъ своею отвѣтственностію и римскими солдатами, однако ниже у Евангелиста Іоанна говорится: «тогда наконецъ онъ предалъ Его имъ (т. е. іудеямъ) на распятіе (хix, 16), а Евангелистъ Лука прямо говоритъ: «а Іисуса предалъ въ ихъ волю» (ххix, 25). Такъ и слова Пилата къ іудеямъ «возьмите Его вы и распните: ибо я не нахожу въ Немъ вины» — ничего не могутъ говорить противъ буквальнаго пониманія заявленія іудеевъ: «намъ не позволено предавать смерти никого».

Послѣ всего вышеизложеннаго мы съ достовѣрностію можемъ утверждать, что при осужденіи Іисуса Христа іудеи не могли привести въ исполненіе смертный приговоръ свой, поелику вообще они не имѣли права на это, хотя бы дѣло касалось и преступленій противъ религіи. Посмотримъ теперь, что говорятъ намъ другія относящіяся сюда мѣста св. Писанія. По свидѣтельству V гл. книги Дѣяній Апостольскихъ апостолы за проповѣдь объ Іисусѣ Христѣ приведены были въ синаedrіонъ, члены коего умышляли умертвить ихъ, но были остановлены рѣчью Гамалиила. Употребленное при этомъ выраженіе: ἐβουλεύοντο ἀνυλεῖν αὐτούς во всякомъ случаѣ озна-

часть никакъ не болѣе того, что выражено въ объясненныхъ уже нами словахъ *ζητοῦσιν ἀποκτεῖναι*. Но мы знаемъ, что послѣдняя изъ упоминаемыхъ здѣсь попытокъ въ отношеніи Иисуса Христа удалась іудеямъ только при посредствѣ Пилата, предавшаго Его имъ на распятіе. Поэтому и въ приведенныхъ словахъ книги Дѣяній Апостольскихъ можно усматривать только подобный же ограниченный смыслъ и никоимъ образомъ въ нихъ нельзя видѣть указанія на автономныя дѣйствія синедріона.

По VI гл. книги Дѣяній Апостольскихъ въ синедріонъ былъ приведенъ также св. архидіаконъ Стефанъ, но члены его, не дождавшись окончанія судебного разбора, во время рѣчи св. архидіакона, «единодушно устремились на него, и, выведши за городъ, стали побивать его камнями». Многіе толковники и археологи справедливо полагаютъ, что судебный процессъ былъ прерванъ здѣсь насильственнымъ дѣйствіемъ и что приговоръ не былъ постановленъ при этомъ. О послѣднемъ нѣтъ также упоминанія во всемъ этомъ повѣствованіи. Напротивъ, послѣднее напоминаетъ намъ о тѣхъ сценахъ народной расправы, которыя нерѣдко пріостанавливаемы были военною стражею (Дѣян. XXI, 31 и др.). Поэтому мы не считаемъ возможнымъ думать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые толковники, что синедріонъ въ этомъ случаѣ неправильно превысилъ свою компетенцію, поелику полагаемъ, что онъ вообще не постановлялъ приговора, вслѣдствіе чего и умерщвленіе св. Стефана не имѣло никакого отношенія къ правильному судопроизводству.

По XXVI, 10 ст. книги Дѣяній, Апостолъ Павелъ говорилъ о себѣ царю Агриппѣ: «получивъ власть отъ первосвященниковъ, я многихъ святыхъ заключалъ въ темницы, и, когда убивали ихъ, я подавалъ на то голосъ». Въ словахъ этихъ, очевидно, выражается та мысль, что по порученію первосвященниковъ Савлъ задерживалъ христіанъ и во время суда надъ ними подавалъ голосъ за ихъ осужденіе. Все это имѣло мѣсто со стороны іудеевъ и при осужденіи Христа Спасителя, однако по экзегетическимъ основаніямъ мы должны были совершенно отвергнуть самостоятельное значеніе синедріона въ этомъ дѣлѣ. Почему же теперь не предположить, что и позже христіане присуждались къ смерти, по примѣру Иисуса Христа,

только съ соизволенія прокуратора? Правда, апостоль Павель не упоминаетъ объ этомъ, но это объясняется тѣмъ, что въ своей рѣчи онъ изображаетъ не самый процессъ суда надъ христіанами, а только свое участіе въ немъ. А такъ какъ прокураторъ, обыкновенно, жилъ въ Кесаріи и пріѣзжалъ въ Іерусалимъ только на время большихъ праздниковъ, когда въ него стекалось множество народа, то вполне возможно, что іудеи иногда пользовались этимъ удобнымъ для ихъ свободолубивыхъ поползновеній обстоятельствомъ и, не обращаясь предварительно въ Кесарію, нерѣдко самовольно совершали казни, недозволенные имъ римскимъ закономъ. Вѣдь они все еще весьма крѣпко держались за свою національную самостоятельность и имъ крайне тяжело было склонять свою гордую выю подъ иго римской власти. Своими частыми возмущеніями и непокорностію они вызывали все болѣе строгія мѣропріятія со стороны римлянъ, пока наконецъ судьба ихъ не была окончательно и навсегда рѣшена послѣдними.

Кромѣ того исторія того времени показываетъ намъ, что въ отдаленныхъ провинціяхъ римскаго государства нерѣдко безнаказанно могли совершаться явныя правонарушенія даже на глазахъ римскихъ чиновниковъ. Вспомнимъ, напримѣръ, о проконсулѣ Ахаіи Галліонѣ, предъ трибуналомъ котораго самовольно былъ избитъ начальникъ синагоги Сосфенъ, причемъ Галліонъ, по свидѣтельству книги Дѣяній, «ни мало не безпокоился о томъ» (хviii, 17). Вспомнимъ затѣмъ объ убіеніи вопреки всякому закону и праву св. Іакова, брата Господня, которое не осталось безнаказаннымъ потому только, что высокое положеніе умерщвленнаго побудило нѣкоторыхъ іудеевъ требовать этого наказанія (Евсев. ii, 25). Вспомнимъ также содержащіяся у Іосифа Флавія описанія многихъ насилій, создавшихъ іудеѣ извѣстность страны, въ которой массами безъ суда и слѣдствія умерщвлялись непріятныя въ какомъ-либо отношеніи лица (Древности. хviii, 1, 1). Что же можетъ быть удивительнаго въ томъ, если подобнымъ противузаконнымъ образомъ могли поступать иногда и съ христіанами, и считали возможнымъ умерщвлять, не испросивъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія изъ Кесаріи?

Обращаясь къ разсмотрѣнію времени, въ которое происходили побіеніе архидіакона Стефана и преслѣдованіе христіанъ со стороны Савла, мы видимъ, что сношенія съ рим-

скою властію были тогда весьма затруднительны и потому непредъявленіе іудеями этой власти судебныхъ дѣлъ было весьма возможнымъ. Упоминаемая въ рѣчи апостола къ Агриппѣ зилотскія преслѣдованія христіанъ, очевидно, падаютъ на время побіенія камнями св. Стефана, поелику непосредственно за рассказомъ о погребеніи св. Первомученика книга дѣяній продолжается: «я Савль терзалъ церковь, входя въ дома и, влача мужчинъ и женщинъ, отдавалъ въ темницу» (viii, 3). Повѣствованіе это такъ согласуется съ собственнымъ рассказомъ обращеннаго Савла, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, несомнѣнно, имѣются въ виду не различныя, а одни и тѣ же факты. Что самъ апостоль сообщилъ царю Агриппѣ, это самое рассказывается здѣсь его спутникомъ Лукою. Но побіеніе камнями св. Стефана и зилотскія дѣянія Савла не падаютъ на время прокураторства Пилата, ибо послѣдній не задолго до смерти императора Тиверія, именно предъ праздникомъ Пасхи въ 36 году былъ отозванъ изъ провинціи іудейской, и св. Стефанъ былъ умерщвленъ, вѣроятно, позже (Древности. xviii, 4, 1. Ангеръ. О хронологіи). Марцеллъ, которому проконсулъ Вителлій поручилъ управленіе Іудеей послѣ Пилата, по мнѣнію нѣкоторыхъ, не получилъ *jus gladii*, какъ назначенный только проконсуломъ, а не самимъ императоромъ, вслѣдствіе чего необходимыя подтвержденія судебныхъ приговоровъ могли получаться только изъ Антиохіи. Но Вителлій былъ занятъ тогда походомъ противъ Парфянъ и, быть можетъ, ни разу не находился въ своей резиденціи (Древности. xviii, 4, 4). Такимъ образомъ, если историческія свидѣтельства даютъ основаніе думать, что въ указанныхъ случаяхъ синедріонъ дѣйствительно поступалъ автономно, то съ другой стороны обстоятельство это не можетъ имѣть рѣшающаго значенія для опредѣленія юридическаго положенія синедріона, ибо фактъ нарушенія закона, при подобныхъ обстоятельствахъ, не можетъ служить доказательствомъ противъ существованія самаго закона. Отсюда и умолчаніе св. Писанія объ участіи римской власти при изложеніи упомянутыхъ фактовъ никоимъ образомъ не должно быть принимаемо въ расчетъ при разрѣшеніи занимающаго насъ вопроса.

Очень важное значеніе для нашего изслѣдованія имѣетъ, наконецъ, событіе съ апостоломъ Павломъ, описанное въ XXI главѣ книги Дѣяній Апостольскихъ. Апостоль, по понятіямъ

іудеевъ, провинился противъ святости храма, весь городъ пришелъ въ движеніе, возбужденная толпа готова была растерзать апостола, вслѣдствіе чего тысяченачальникъ Лисій долженъ былъ послать военную стражу, чтобы спасти его отъ насильственной смерти. Во время послѣдующей затѣмъ рѣчи апостола изъ толпы стали кричать: «истреби отъ земли такого, ибо ему не должно жить», но о правѣ синедріона собраться для суда надъ нимъ никто изъ іудеевъ не заявлялъ при этомъ. Когда затѣмъ хиліархъ приказалъ бичевать апостола, чтобы вынудить у него признаніе, по какой причинѣ такъ кричали противъ него, и при этомъ узналъ, что апостолъ — римскій гражданинъ, то отмѣнилъ свое приказаніе и для полученія нужныхъ свѣдѣній велѣлъ собраться синедріону. Здѣсь также произошелъ большой шумъ въ народѣ и, чтобы не растерзали апостола, хиліархъ снова вынужденъ былъ принять мѣры для его безопасности. Тогда болѣе сорока наиболѣе ревностныхъ зилотовъ поклялись ни ѣсть и ни пить, пока не убьютъ Павла. Они уговариваютъ членовъ синедріона испросить у хиліарха новое засѣданіе для вторичнаго допроса апостола, чтобы пользуясь этимъ совершить задуманное ими убійство. Когда же, благодаря племяннику апостола, заговоръ ихъ былъ разрушенъ, то Лисій, опасаясь, какъ бы іудеи не отняли Павла, отослалъ его ночью подъ сильною стражею къ прокуратору Феликсу въ Кесарію. Феликсъ также не рѣшился произнести судебное рѣшеніе надъ апостоломъ и передалъ его своему преемнику Фесту, «желая доставить удовольствіе іудеямъ» (Дѣян. xxiv, 27 ст.). Тогда іудеи еще разъ попытались коварнымъ образомъ умертвить апостола, домогаясь, чтобы прокураторъ отослалъ его въ Іерусалимъ (xxv, 2), но и эта попытка не удалась имъ.

Все это повѣствованіе ясно показываетъ, что іудеи сильно домогались смерти апостола Павла, но всякій разъ дѣйствовали при этомъ способомъ насильственнымъ и противузаконнымъ. Они искали всякаго случая для осуществленія своего намѣренія и съ чисто іудейскою изворотливостію пытались сами создать такой случай, домогаясь вторичнаго собранія синедріона (xxiii, 5; xxi, 3). Во всемъ этомъ нельзя не видѣть яснаго указанія на то, что синедріонъ лишенъ былъ тогда самостоятельности въ произнесеніи и исполненіи смертныхъ приговоровъ надъ обвиняемыми, ибо въ противномъ

случаѣ всѣ эти неоднократныя и неудачныя попытки іудеевъ были бы совершенно излишни. Если же синедріонъ не имѣлъ болѣе самостоятельной компетенціи даже въ такомъ преступленіи, какъ приписанное апостолу Павлу профанированіе святыни храма, то явно, что объ автономной дѣятельности его по отношенію къ тому времени вообще не можетъ быть и рѣчи. Іудеи даже не пытаются созвать свой синедріонъ, но хиліархъ самъ задерживаетъ апостола и самъ руководить разслѣдованіемъ дѣла его. Своею властію онъ созываетъ затѣмъ синедріонъ, но не для того, чтобы представить обвиняемаго на судъ его, а для того, чтобы точнѣе узнать, въ чемъ обвиняють его (xxii, 30; xxiii, 28). Видя, что обвиняемому грозитъ опасность, онъ собственною же властію закрываетъ засѣданіе синедріона и отводитъ апостола въ свою крѣпость. Самъ Феликсъ тѣмъ только подтверждаетъ свое благоволеніе къ іудеямъ, что не отпускаетъ задержаннаго на свободу, а передаетъ его въ узакъ своему преемнику.

Еслибы іудеи имѣли хотя одинъ видъ права суда надъ обвиняемымъ, не говоря уже о правѣ на постановленіе и исполненіе судебныхъ приговоровъ, то задержаніе апостола въ римскихъ узакъ, навѣрно, не могло бы служить выраженіемъ благоволенія, оказаннаго Феликсомъ іудеямъ.

Все это на столько ясно, что едва ли можетъ подлежать какому либо сомнѣнію, и только немногіе стараются ослабить силу вышеизложенныхъ данныхъ, приписывая дѣйствія Лисія въ пользу апостола исключительно тому обстоятельству, что апостоль былъ римскій гражданинъ. — Но въдь Лисій еще не зналъ о принадлежности его къ римскому гражданству, когда приказалъ заковать его, отвести въ крѣпость и когда намѣревался бичевать его. То вѣрно, что узнавши объ этомъ, онъ начинаетъ относиться къ апостолу съ меньшею строгостію и съ большимъ уваженіемъ, но вѣрно и то, что раньше онъ фактически уже подвергнулъ сомнѣнію право іудеевъ судить апостола, причемъ никто изъ нихъ не изъявилъ притязанія на это право. Обстоятельство это имѣетъ важное значеніе для нашего вопроса. Правда, въ препроводительномъ письмѣ, при которомъ былъ отосланъ апостоль въ Кесарію къ прокуратору, хиліархъ писалъ: «сего чловѣка іудеи схватили и готовы были убить; я, пришедши съ воинами, отнял его, узнавъ, что онъ римскій гражданинъ; по-

томъ, желая узнать, въ чемъ обвиняли его, привелъ его въ синедріонъ ихъ» (ххш, 27 — 28). Если слова: «узнавъ, что онъ римскій гражданинъ», — отнести здѣсь къ предшествующему предложенію, какъ это сдѣлано въ русскомъ переводѣ, то они будутъ не вполне точными, при сопоставленіи ихъ съ повѣствованіемъ св. дѣеписателя. Если же мы свяжемъ ихъ съ послѣдующими словами, что въ подлинникѣ грамматически вполне удобно, то все случившееся будетъ означено тогда въ письмѣ гораздо точнѣе, ибо смыслъ словъ Лисія въ письмѣ его тогда будетъ таковъ: «поелику я услышалъ, что онъ римскій гражданинъ и въ то же время хотѣлъ узнать, въ чемъ состоитъ вина его, то привелъ его предъ ихъ синедріонъ, не желая посредствомъ насилія вынудить признаніе изъ его собственныхъ устъ». Но если бы автору письма охотнѣе захотѣли приписать вину неточности, то и въ этомъ случаѣ краткое сообщеніе его никоимъ образомъ не можетъ ослабить вѣрности достаточно обоснованнаго факта, разъ и фактъ и письмо о немъ сообщены однимъ и тѣмъ же св. писателемъ. Къ этому нужно добавить, что, при допущеніи самостоятельности синедріона, взятіе апостола Лисіемъ, не знавшимъ сначала о его принадлежности къ римскому гражданству, было бы дѣломъ противузаконнымъ, которое, конечно, не осталось бы безъ протеста со стороны іудеевъ и было бы доведено ими до свѣдѣнія прокуратора. Вообще же автономный синедріонъ никоимъ образомъ не былъ бы поставленъ въ столь унижительное служебное положеніе при разслѣдованіи дѣла противъ римскаго гражданина, въ которое фактически поставилъ его Лисій. Такимъ образомъ не принадлежность къ римскому гражданству изъяла апостола Павла отъ компетенціи синедріона, но то обстоятельство, что при прокураторахъ Феликсѣ и Фестѣ синедріонъ вообще не могъ уже собираться по своей волѣ даже по дѣламъ религіознаго характера и тѣмъ болѣе не могъ постановлять самостоятельно смертныхъ приговоровъ.

II.

Извѣстія Іосифа Флавія.

Всѣ разсмотрѣнныя нами свидѣтельства св. Писанія располагають къ тому взгляду, что, по крайней мѣрѣ, со времени прокуратора Пилата іудейскій синедріонъ не пользовался полною автономіею въ отношеніи *jus gladii*, и что его смертные приговоры должны были представляться на утвержденіе римской власти. Обратимся теперь къ второму главному источнику іудейской исторіи, къ сочиненіямъ Іосифа Флавія, и посмотримъ, подтверждается ли ими полученный нами выводъ.

Пока іудеи находились подъ управленіемъ римлянъ, имъ постоянно позволялось жить по своимъ законамъ и сохранять учрежденія, унаслѣдованныя отъ предковъ. Такъ уже Юлій Цезарь издалъ декретъ, въ которомъ порицалъ Парійцевъ, препятствовавшихъ іудеямъ пользоваться свободою, предоставленною имъ въ этомъ отношеніи (Древности. хiv, 10, 2, 8). Тоже извѣстно о Долабелѣ (§ 12) и консулѣ Люціѣ Лентулѣ (§ 13), давшимъ подобное позволеніе ефесскимъ іудеямъ. Декреты подобнаго же содержанія изданы были для Милесцевъ, Пергамцевъ, Галликарнасянъ и пр., нѣсколько позже для александрійцевъ и для всѣхъ подданныхъ римскаго государства (Древности. хiv и хix). Но во всѣхъ этихъ мѣстахъ рѣчь идетъ только о позволеніи отправлять религіозную жизнь по обычаямъ предковъ и удерживать учрежденія, касающіяся религіи и культа. Это нерѣдко видно уже изъ одной связи рѣчи, въ которой поставляется здѣсь выраженіе: «жить по отеческимъ обычаямъ», «пользоваться отеческими обычаями». Правда, въ одномъ мѣстѣ говорится также о свободѣ судебной. Проквесторъ и пропреторъ Люцій Антоній писалъ именно сардіанскимъ старѣйшинамъ: «іудеи, граждане наши, приходя ко мнѣ доносили, что имѣють они издревле по законамъ своимъ собственное для своего сонмища мѣсто, въ которомъ разбирають всякія дѣла и ссоры, между ними происходящія, причемъ просили меня, чтобы я позволилъ имъ имѣть сіи собранія, вслѣдствіе чего я и опредѣлилъ дать имъ сіе позволеніе» (Древности. хiv, 5, 17). Здѣсь рѣчь идетъ, оче-

видно, объ іудейскомъ судопроизводствѣ, которое по рѣшенію пропреторіи должно было оставаться въ рукахъ самихъ іудеевъ. Но что въ томъ мѣстѣ, въ которомъ должны были разбираться «ссоры», могли быть произносимы и смертные приговоры, этого нельзя думать уже потому, что столь важная и рѣдкая привиллегія навѣрно была бы спеціально поименована здѣсь. Къ тому же она и не могла быть получена и подтверждена отъ столь второстепеннаго начальника, какимъ былъ проквесторъ, не обладавшій и самъ правомъ *jus gladii*.

Также Августъ позволилъ іудеямъ жить по своимъ законамъ и въ видахъ поддержанія дружественныхъ отношеній между Римомъ и Іерусалимомъ издалъ законъ, защищавшій іудейскую святыню отъ хищнической профанаціи (Древности. хvi). «Кто украдетъ священныя ихъ книги или деньги, опредѣленные для храма, писалъ Августъ, тотъ да будетъ судимъ какъ святотатецъ и имѣніе его да будетъ взято въ казну, принадлежащую римскому народу». Подобныя опредѣленія ясно показываютъ, какою ничтожною самостоятельностью іудеи могли пользоваться во всѣхъ своихъ дѣлахъ и какъ должны быть понимаемы приводимыя Іосифомъ Флавіемъ слова Агриппы, разрѣшавшаго предоставлять преступниковъ противъ іудейскаго закона самимъ іудеямъ для наказанія (Древности. хvi, 6, 4). Что предоставленіе это должно быть понимаемо въ самомъ отдаленномъ смыслѣ, это видно изъ исторіи распятія Іисуса Христа, которое, по свидѣтельству Евангелія (Лук ххш, 25; Іоан. хix, 18), также было предоставлено іудеямъ, но въ дѣйствительности было совершено подъ авторитетомъ Пилата.

Такимъ образомъ, римляне слѣдовали въ Іудеѣ обычной своей политикѣ широкой опеки надъ покоренными народами, въ то время какъ іудеи тиранизировались своеволіемъ и беззаконіемъ своихъ идумейскихъ царей. Угнетенія и насилія со стороны Архелая побудили даже ихъ домогаться полного подчиненія римлянамъ и причисленія къ провинціи Сирійской (Древности. хvii, 9, 4). Такъ они поступили не потому, конечно, что надѣялись вернуться къ золотому вѣку своей исторіи, а потому, что, судя по приведеннымъ сообщеніямъ Іосифа Флавія, желали изъ двухъ золъ претерпѣвать меньшее. Будучи угнетаемы Иродомъ и Архелаемъ, мало обращающими вниманія на законы и руководствовавшимися однимъ произ-

воломъ, іудеи надѣялись подѣ управленіемъ римскаго прокуратора пользоваться большимъ благоустройствомъ какъ въ администраціи, такъ и въ судѣ. На что либо бѣльшее желанія ихъ не могли простираться, разъ они заключали о своей будущности по декретамъ римскихъ императоровъ, устанавливавшимъ охрану и защиту ихъ отъ мѣстныхъ угнетателей. Если Августъ угрожалъ похитителямъ ихъ св. книгъ конфискаціей имущества въ пользу римской казны, то едва ли имъ можно было надѣяться на восстановление автономіи синагогіона, по причисленіи страны ихъ къ провинціи Сирийской.

Нѣкоторые думаютъ, что если бы автономія синагогіона была уничтожена по причисленіи Іудеи къ провинціи Сирийской, то Іосифъ Флавій не оставилъ бы безъ упоминанія столь важный и неожиданный фактъ (Деллингеръ). Но фактъ этотъ, какъ мы видѣли, не могъ быть неожиданнымъ для іудеевъ. Существуетъ даже мнѣніе, что въ римскихъ провинціяхъ никогда никто не обладалъ *jus gladii* кромѣ императорскаго намѣстника. Во всякомъ случаѣ это было обычнымъ правиломъ, противъ котораго ничего не могутъ говорить тѣ примѣры, когда города и цѣлыя области были освобождаемы отъ *jus gladii* римскихъ президентовъ или прокураторовъ, ибо подобные рѣдкіе случаи всегда означаются какъ исключенія изъ правила. Что такія исключенія могли быть допускаемы и въ Іудеѣ, этого мы не оспариваемъ, равно какъ не отвергаемъ съ рѣшительностію и того, что если бы исключенія эти дѣйствительно были здѣсь, то Іосифъ долженъ былъ бы упомянуть о нихъ.

Однако посмотримъ, что Іосифъ рассказываетъ о столь желанномъ іудеями причисленіи ихъ къ провинціи Сирийской. Въ качествѣ проконсула былъ посланъ въ Сирію Квиринай и съ нимъ «былъ отправленъ Кононій, одинъ изъ римскихъ всадниковъ, для принятія верховной власти надъ Іудеей» (Древност. xvш, 1). Если же Кононію, первому прокуратору Іудеи, предоставлена была «верховная власть» надъ нею, то не въ правѣ ли онъ былъ тогда не только подвергать своему разсмотрѣнію смертные приговоры іудеевъ, но въ случаѣ надобности и отмѣнять ихъ? Пользовался ли онъ этимъ правомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и дѣйствительно ли исполненіе смертныхъ приговоровъ не допускалось безъ его утвержденія, это другой вопросъ. Но что по своей

инструкціи онъ имѣлъ полную возможность къ тому, это очевидно изъ приведенныхъ словъ Іосифа.

Правда, въ извѣстіяхъ Іосифа о времени правленія Кононія и его преемниковъ не имѣется упоминанія о синедріонѣ, но это объясняется тѣмъ, что Іосифъ смотрѣлъ, повидимому, на полную зависимость синедріона отъ римскихъ прокураторовъ, какъ на фактъ общеизвѣстный. По его сообщенію едва только Фестъ былъ отозванъ изъ Іудеи, а его преемникъ Альбинъ предпринялъ путешествіе въ нее, какъ жестокій первосвященникъ Ананъ воспользовался этимъ случаемъ междуцарствія для удовлетворенія своего фанатизма. Онъ созвалъ синедріонъ и осудилъ на смерть Апостола Іакова, брата Господня. Тогда нѣкоторые изъ благомыслящихъ и правдолюбивыхъ іудеевъ отправились навстрѣчу къ новому прокуратору и обратили его вниманіе на то, что «Ананъ безъ его согласія не имѣлъ права созывать синедріонъ» (Древн. xx, 9). За этотъ поступокъ Ананъ былъ лишенъ первосвященническаго достоинства.

Еслибы высшая власть прокуратора надъ синедріономъ какъ нибудь была ограничена извѣстнымъ разрядомъ лицъ или преступленій, то Іосифъ навѣрно упомянулъ бы здѣсь объ этомъ и безсиліе высшаго національнаго судилища іудеевъ не изобразилъ бы болѣе ярко, чѣмъ какъ оно было въ дѣйствительности. Между тѣмъ безъ дальнѣйшихъ оговорокъ онъ признаетъ вполнѣ законосообразнымъ, что безъ дозволенія римской власти высшій іудейскій судъ не могъ собираться. То обстоятельство, что обвиненіе возбуждено было только противъ Анана и касалось незаконнаго созванія имъ синедріона, но не касалось всѣхъ членовъ синедріона, осудившихъ Апостола Іакова, не доказываетъ еще, что въ дѣйствительности тогда было запрещено только собраніе синедріона безъ разрѣшенія римской власти, а не самостоятельное судопроизводство со стороны законно собраннаго суда. Подобный законъ, запрещавшій собранія суда, а суду, созванному съ надлежащаго разрѣшенія, предоставлявшій полную самостоятельность и высшую компетенцію, былъ бы довольно страннымъ. Исторія не представляетъ ни одного примѣра такого страннаго закона. Поэтому мы съ полнымъ правомъ можемъ понимать рассматриваемое мѣсто изъ Іосифа Флавія только въ указанномъ нами смыслѣ. Ибо если іудеи

уже при Пилатѣ не могли исполнять смертныхъ приговоровъ безъ соизволенія прокуратора, а при Феликсѣ и Фестѣ лишены были даже права собирать синедріонъ по собственной инициативѣ, то тѣмъ болѣе нужно думать тоже о времени послѣ отозванія Феста. Въдѣ и по Іосифу наказаніе одного Анана не освобождало отъ отвѣтственности всѣхъ членовъ синедріона, которые также заслуживали наказанія, какъ повиновавшіеся незаконному созванію. Но Ананъ, по мнѣнію іудеевъ, несъ главную отвѣтственность, ибо пользовался остальными членами какъ орудіемъ къ достиженію своего преступнаго намѣренія. Поэтому и обвиненіе возбуждено было только противъ него одного, и онъ одинъ для примѣра былъ наказанъ прокураторомъ.

Въ видахъ наиболѣе правильнаго пониманія этого мѣста слѣдуетъ обратить вниманіе еще на то, что Іосифъ пользуется здѣсь неопредѣленнымъ выраженіемъ: Ананъ «созвалъ въ собраніе судей», между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ онъ всюду означаетъ высшее судилище іудеевъ однимъ словомъ: «собраніе», синедріонъ. Не показываетъ ли подобная неопредѣленность, что о продолженіи существованія этого древняго іудейскаго института не могло быть болѣе рѣчи и что первосвященникъ совершенно произвольно устроилъ судъ, чтобы получить отъ него желанный приговоръ? Если же во всемъ этомъ дѣлѣ Ананъ дѣйствовалъ гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ какъ позволено было дѣйствовать первосвященнику въ отношеніи синедріона, то обвиненіе его одного, а не всѣхъ созданныхъ имъ членовъ суда, становится тѣмъ болѣе понятнымъ. Конечно это располагаетъ думать, что въ то время синедріонъ не только былъ достаточно обезсиленъ, но уже начиналъ совсѣмъ сходить со сцены. Нѣкоторые на этомъ основаніи даже думаютъ, что синедріонъ еще раньше, именно въ правленіе Клавдія, утратилъ *jus gladii* (Вагензейль).

Если далѣе іудейскій историкъ замѣчаетъ объ Ананѣ, что онъ принадлежалъ къ Саддукеямъ, отличавшимся жестокостію въ дѣлахъ судебныхъ, то это была такая особенность, которую они могли проявлять часто и раньше, еще до утраты синедріономъ самостоятельности. Теперь въ періодъ своей зависимости они предались ей въ такой степени, что Ананъ, членъ этой жестокой секты, обнаруживая свою жестокость, провинился въ тяжкомъ преступленіи противъ рим-

скихъ законовъ. А что о суровости или снисходительности въ опредѣленіи наказаній можно говорить, не затрогивая вопроса о суверенитетѣ при отправленіи правосудія, показываетъ тотъ же Іосифъ Флавій, когда рассказываетъ о Фарисеяхъ, получившихъ отъ Гиркана порученіе дать свое заключеніе по одному судебному дѣлу, что они вообще были снисходительны въ опредѣленіи наказаній и потому въ данномъ случаѣ не признали обвиняемаго достойнымъ смерти (Древности. хш, 10).

Подобнымъ же образомъ Іосифъ говоритъ о Ессеяхъ, что они каждого обвиняемаго въ богохульствѣ наказывали смертью (Война Іуд. II, 8). Такъ какъ и это было особенностью есеевской секты, то подобное наказаніе не имѣло ничего общаго съ приговорами, исходившими отъ синедріона. Оно было внутреннимъ дѣломъ Есеевъ, для котораго у нихъ устраивалось собраніе изъ ста мужей. Какъ долго продолжался этотъ порядокъ и какъ относилась къ нему римская власть, это не имѣетъ отношенія къ нашему изслѣдованію.

Въ VI кн. 3, 5, Войны Іудейской Іосифъ Флавій приводитъ слѣдующія слова императора Тита, коими онъ хотѣлъ оправдать свой суровый образъ дѣйствій противъ іудеевъ: «имъ дарованы іудеямъ миръ и самостоятельность (*αὐτονομία*)». Подъ самостоятельностью разумѣется здѣсь, очевидно, тоже, что было признано за іудеями и другими императорами, то есть, возможность жить «по своимъ законамъ». Какъ далека былъ этотъ императоръ, который вообще не могъ говорить безъ жестокаго сарказма о дѣйствительной политической самостоятельности іудеевъ, отъ мысли о полномъ самоуправленіи и независимости послѣднихъ, видно изъ того, что далѣе онъ специально отмѣчаетъ, какъ сумму всѣхъ сдѣланныхъ имъ уступокъ со стороны римлянъ, оставленіе имъ страны ихъ, позволеніе имѣть своихъ царей, жить по своимъ отеческимъ законамъ «и, что важнѣе всего»,—разрѣшеніе по прежнему взыскивать подати на храмъ (Война Іуд. VI, 6, 2). Также здѣсь подъ отеческими законами разумѣются законы религіозные, какъ это видно изъ того, что по нимъ разрѣшалось жить даже въ обращеніи съ не-іудеями. Религіозные законы іудеевъ, какъ извѣстно, были таковы, что возлагали на нихъ различныя ограниченія въ обращеніи съ язычниками. Но и такіе законы сохранены были имъ, хотя въ тоже время

римляне строго требовали, чтобы іудеи не позволяли своей ревности по закону переходить въ зилотизмъ и не оказывали пренебреженія къ обычаямъ другихъ народовъ (Древности. хіх, 5).

Наконецъ въ пользу самостоятельности іудеевъ приводится, обыкновенно, тотъ подтверждаемый будто бы самимъ Титомъ фактъ, что не-іудеи, провинявшіеся противъ іудейской религіи, напримѣръ, входившіе во внутренній дворъ храма, обыкновенно умерщвлялись и именно властью іудейскою. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи относящагося сюда мѣста оказывается, что Титъ не выражался ни столь въ общемъ, ни столь въ опредѣленномъ смыслѣ. Напоминая іудеямъ о многихъ, предоставленныхъ имъ преимуществахъ, онъ говоритъ: «не окружили ли вы святилище ваше оградою и не поставили ли вы столбовъ съ греческими и латинскими надписями, запрещающими переступить ее, и не разрѣшили ли мы вамъ убивать переступающихъ таковую, хотя бы то былъ даже римлянинъ? Зачѣмъ же вы попираете тамъ ваши трупы ногами? Зачѣмъ пятнаете вашъ храмъ чужою и своею кровью? (Война Іуд. vi, 2)». Упоминаемую здѣсь привиллегію нѣтъ нужды считать чѣмъ либо исключительнымъ и выраженіе особаго императорскаго благоволенія можно усматривать развѣ только въ словахъ: «хотя бы то былъ римлянинъ». Но во всякомъ случаѣ мы должны отмѣтить совершенно специальное значеніе этой привиллегіи, которая могла простираться не на всякое преступленіе противъ іудейской религіи, а лишь только на одни случаи преступленія вновь проведенной ограды вокругъ храма. Также здѣсь совсѣмъ нѣтъ рѣчи о судебномъ приговорѣ, но говорится о моментальномъ умерщвленіи *in flagranti* каждаго, захваченнаго на мѣстѣ преступленія. Зачѣмъ, говоритъ императоръ, вы попираете труды ἐν αὐτῷ то есть δρόφῳα, внутри ограды, въ священномъ въ вашихъ глазахъ мѣстѣ? Зачѣмъ пятнаете вашъ храмъ чужою и своею кровью? Такимъ образомъ іудеи, повидимому, уже злоупотребляли этою привиллегіей и притомъ въ такой мѣрѣ, что убійство нашло доступъ въ тѣ мѣста, куда язычники не могли вступать безъ смертной опасности, причемъ подъ покровомъ той индульгенціи потоки крови заливали ступени храма.

Чтобы объяснить предоставленіе іудеямъ такой власти или существованіе подобнаго рода привиллегіи, на ряду съ полною

утратою синедріономъ самостоятельности, слѣдуетъ обратить вниманіе на тогдашнія обстоятельства. Уже при Куманѣ одинъ римскій солдатъ дерзнулъ на глазахъ іудеевъ разорвать и бросить въ огонь книги св. Писанія. Возбужденный народъ въ страшномъ волненіи отправился огромною толпою въ Кесарію къ прокуратору и не успокоился до тѣхъ поръ, пока оскорбитель святыни не былъ казненъ смертію (Война Іуд. п. 12, 2). Если такъ было при Куманѣ, то при Титѣ, вслѣдствіе всевозрастающаго безсилія іудейскаго народа, языческая грубость все чаще находила поводы выказывать кичливое презрѣніе къ пренебрегаемому закону, все чаще могла оскорблять величайшую іудейскую святыню — библію и храмъ. Противленіе нѣкоторой части іудеевъ перешло тогда уже въ открытый мятежъ, страна, лишенная порядка и охраны, стала ареною насилій и разбойническихъ нападеній и святость храма, конечно, не была защищена въ достаточной степени отъ дерзкихъ оскорбленій всякаго рода. Что же удивительнаго, если при подобныхъ обстоятельствахъ императоръ Титъ, въ видахъ удержанія отъ мятежа наиболѣе благомыслящихъ іудеевъ, счелъ нужнымъ дать послѣднимъ въ руки дѣйствительное средство противъ такихъ оскорбленій, и съ этою цѣлью позволилъ поставить вокругъ храма ограду и распространилъ на нее то запрещеніе, которое уже существовало относительно внутренняго двора, чтобы тамъ они пользовались данною привиллегіей, какъ особымъ преимуществомъ, послѣ того какъ специальное *jus gladii* было утрачено ими давно? Вѣдь если бы іудеи тогда еще владѣли послѣднимъ, то императору не было бы надобности давать особую еще привиллегію для спеціальнаго случая вступленія въ св. ограду. Но синедріонъ не владѣлъ имъ, онъ сходилъ уже со сцены и своимъ исчезновеніемъ выдвигалъ на очередь скорую гибель всей іудейской націи.

III.

Извѣстія Талмуда.

Талмудическими извѣстіями, какъ извѣстно, можно пользоваться только съ большою осторожностію, ибо содержащіяся въ талмудѣ хронологическія опредѣленія оказываются

большею частию невѣрными. Несмотря на это, мы не можемъ отказать имъ хотя въ нѣкоторой исторической вѣроятности по отношенію къ занимающему насъ вопросу и потому не считаемъ удобнымъ обойти ихъ, но даемъ и имъ мѣсто въ нашемъ изслѣдованіи, хотя и второстепенное.

Въ Талмудѣ содержатся именно слѣдующія извѣстія о послѣдней судьбѣ синедріона.

1) За сорокъ лѣтъ до разрушенія города синедріонъ переселился изъ Гасифы, предписаннаго мѣста суда (*Gemara Babyl. Tract. Sanhedrin. 41, a*).

2) Это произошло по причинѣ множества преступленій, которыя были такъ многочисленны, что не могли быть всѣ наказываемы. Синедріонъ не былъ виновенъ въ этомъ, ибо оставленіе того единственно удобнаго мѣста суда сдѣлало наказаніе невозможнымъ (*Gemara Babyl. Avoda Zara. VIII, 2*).

3) Иногда впрочемъ синедріонъ возвращался въ назначенное мѣсто, постановлялъ и приводилъ въ исполненіе смертные приговоры, какъ это было, напримѣръ, при осужденіи Іисуса (*Tosiphta Gem. Babyl. Tract. Sanhedr. XXXVII, 6*).

Хотя приводимыя здѣсь времяопредѣленіе и сопоставленіе отдѣльных фактовъ, обыкновенно, игнорируются, однако мы не видимъ еще основанія отказывать въ исторической достовѣрности самимъ фактамъ. Вѣдь факты эти подтверждаются современными имъ источниками и въ талмудѣ приводятся только въ новой, соотвѣтствующей характеру талмудистовъ, окраскѣ. Изъ книги Дѣяній Апостольскихъ и изъ сочиненій Іосифа Флавія мы уже знаемъ, что предъ разрушеніемъ Іерусалима синедріонъ пересталъ существовать въ своемъ прежнемъ значеніи (Дѣян. ххп, 30; ххп, 28; Древности. хх, 9), что грабежи, разбои и насилія всякаго рода въ массѣ производились въ Іудеѣ безнаказанно, что иногда, наконецъ, не смотря на полное обезличеніе синедріона, тамъ производились казни. Эти несомнѣнные историческіе факты талмудъ теперь сопоставилъ и первое существенное измѣненіе, которому подвергся синедріонъ, отнесъ ко времени за сорокъ лѣтъ до разрушенія Іерусалима.

Поелику подобная своеобразная связь этихъ событій по талмуду не имѣетъ никакихъ подтвержденій для себя въ упомянутыхъ выше достовѣрныхъ источникахъ и поелику мы признали за вѣрное, что высшее рѣшеніе по всѣмъ тяжкимъ

преступленіямъ даже противъ религіознаго закона синедріонъ вынужденъ былъ уступить римскому прокуратору, то талмудическая оболочка всѣхъ этихъ фактовъ должна быть признана спеціальнымъ изобрѣтеніемъ талмудистовъ, вполне соотвѣтствующимъ ихъ характеру. Для нихъ слишкомъ тяжело было признать, что великій авторитетъ ихъ древнѣйшаго института потерялъ столь унижительною образомъ и потому они пытались объяснить эту тяжкую для нихъ утрату болѣе отраднымъ для себя образомъ. Сдѣлали они это, конечно, не безъ искусства, но вопреки всякой исторической правдѣ. Тѣмъ не менѣе въ обозначеніяхъ талмуда мы можемъ усматривать не прямое, нѣсколько извращенное даже подтвержденіе нашего мнѣнія, что уже во время Іисуса Христа исполненіе смертныхъ приговоровъ со стороны іудеевъ было чѣмъ то необычайнымъ и несоотвѣтствовавшимъ тогдашнему порядку вещей.

Что касается наконецъ указываемаго талмудистами времени переселенія синедріона за сорокъ лѣтъ до разрушенія Іерусалима, то дату эту уже въ виду ея опредѣленности едва ли можно считать за чистую выдумку позднѣйшихъ іудеевъ, тѣмъ болѣе что она повторяется и въ другихъ мѣстахъ. Спрашивается именно, какъ талмудисты могли прійти къ тому, чтобы столь опредѣленно отнести къ 30-му году христіанской эры великую перемѣну, происшедшую съ ихъ синедріономъ? Если этому времяобозначенію не противорѣчитъ прямо извѣстіе о возвращеніи синедріона для осужденія Іисуса Христа, то смерть Спасителя нужно отнести только къ 30-му, а не къ 29-му году нашей эры по принятому теперь счисленію. Въ этомъ случаѣ выселеніе синедріона по талмудистамъ приходилось бы на послѣдній годъ жизни Спасителя. Что таковъ былъ ихъ взглядъ, это мы допускаемъ вполне, хотя въ то же время не хотимъ утверждать, что рожденіе Іисуса Христа они соединяли съ началомъ нашего времясчисленія, по которому крестная смерть Его приходится на 33-й годъ и выселеніе синедріона отодвигается на три года далѣе.

Обращаясь къ исторіи провинціи іудейской, мы видимъ, что Пилать вступилъ въ управленіе ею въ 24-мъ году — опять ровно за три года предъ смертію Спасителя по общепринятому въ настоящее время мнѣнію. Поэтому своимъ времяобозначеніемъ талмудисты, повидимому, имѣли въ виду означить начало прокуратуры Пилата.

Насколько эти вѣроятныя талмудическія обозначенія соотвѣтствуютъ истинѣ, покажетъ нижеслѣдующее сопоставленіе полученныхъ нами результатовъ. По существу талмудъ, какъ мы видѣли, по крайней мѣрѣ, косвенно подтверждаетъ наши положенія, если только разоблачить подлинное зерно его традиціи отъ ложнаго раввинскаго покроя.

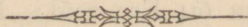
Сопоставляя теперь добытыя нами результаты въ одномъ хронологическомъ обзорѣ, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію объ отношеніи іудейскаго синедріона къ римской прокуратурѣ въ Іудеѣ. Первый прокураторъ Іудеи Кононій былъ посланъ въ нее императоромъ «съ верховною властію», и такъ какъ императорскіе прокураторы по общему правилу обладали высшимъ правомъ надъ жизнію и смертію, то таковое подобало, конечно, и Кононію. Какъ фактически установилось его отношеніе къ синедріону, мы не знаемъ. Но между тѣмъ какъ изъ исторіи правленія слѣдовавшихъ за нимъ непосредственно прокураторовъ не сообщается ничего, касающагося нашего вопроса, о Понтіѣ Пилатѣ мы въ первый разъ узнаемъ, что онъ утверждаетъ и приводитъ въ исполненіе смертный приговоръ, постановленный синедріономъ. Не былъ ли онъ и первымъ прокураторомъ, изъясвившимъ притязаніе на это право, какъ, повидимому, предполагаетъ это и талмудическая традиція? Уже въ исторіи осужденія Спасителя явно обнаружались, какъ мы видѣли, его неправосудіе и произволъ въ веденіи судопроизводства, а отъ Іосифа Флавія мы узнаемъ, что онъ вопреки обычаю, даже вопреки самому римскому закону, недозволявшему возлагать на іудеевъ ничего, противнаго ихъ религіи, повелѣлъ внести въ городъ римскія знамена съ изображеніемъ императора, причемъ сдѣлалъ это, «желая, по словамъ Іосифа, чрезъ сіе опровергнуть законъ іудейскій» (Древности хвш, 3). Въ то время какъ предшественники его, сообразуясь съ волею императоровъ, оставляли іудейскіе религіозные законы неприкосновенными, онъ не убоился фактически въ самомъ св. городѣ съ безпощадною суровостію нарушить святѣйшую для іудеевъ заповѣдь и сдѣлалъ это съ опредѣленнымъ намѣреніемъ ниспровергнуть іудейскій законъ въ Іудеѣ. Также,

по свидѣтельству Филона, Пилатъ приказалъ выставить въ Іерусалимѣ золотыя щиты императора съ намѣреніемъ «огорчить народъ», и поелику по природѣ онъ былъ непреклоннымъ, высокоумнымъ и жестокимъ, то только послѣ рѣшительнаго требованія показать свои инструкціи касательно этого нововведенія отмѣнилъ свое приказаніе, ибо боялся, что на него будетъ послана жалоба въ Римъ, причемъ могли обнаружиться и другія его несправедливости и насилія (Legat. ad Caj. § 38).

Къ изложеннымъ неблагопріятнымъ отзывамъ о характерѣ Пилата считаемъ нужнымъ присовокупить, что отъ грубости или мягкости каждаго правителя много зависѣло то, въ большей или меньшей степени онъ пользовался предоставленными ему правами. Такъ о преторѣ Петроніѣ Филонъ сообщаетъ, что онъ долго думалъ надъ тѣмъ, терпѣть или нѣтъ древній обычай іудеевъ убивать на мѣстѣ всякаго, своевольно проникавшаго, вопреки закону, во внутренній дворъ храма. Слѣдовательно, единственно отъ его доброй воли зависѣло выступить противъ этого обычая или нѣтъ, причемъ онъ предпочелъ подражать въ этомъ пунктѣ снисходительному терпѣнію своихъ предшественниковъ. Примѣняя это обстоятельство къ болѣе раннему времени, мы должны думать, что и Кононій имѣлъ полную возможность пользоваться тою же властію, какъ и Пилатъ. Но въ то время какъ первый съ своими ближайшими преемниками не считалъ удобнымъ пользоваться ею въ полномъ объемѣ, послѣдній, склонный къ нововведеніямъ и даже насилію, изъявилъ притязанія на всѣ признанныя за нимъ права. Поэтому приведенное выше хронологическое обозначеніе мы тѣмъ болѣе должны понимать въ указанномъ нами смыслѣ, и въ видахъ дальнѣйшаго положительнаго подтвержденія его считаемъ нужнымъ привести здѣсь извѣстіе Евангелія Іоанна ххш, 29 ст. Когда іудеи привели Іисуса Христа къ Пилату, то послѣдній спросилъ ихъ: «въ чемъ вы обвиняете человѣка сего?» На этотъ вполне естественный и даже необходимый вопросъ іудеи, не излагая самага обвиненія, дерзко отвѣчаютъ: «если бы Онъ не былъ злодѣй, мы не продали бы Его тебѣ». Если подобный отвѣтъ нѣкоторыми объясняется тѣмъ, что іудеи въ вопросѣ Пилата усмотрѣли пренебрежительное отношеніе къ нимъ, то и въ этомъ случаѣ они должны были по крайней мѣрѣ мотивиро-

вать свое обвиненіе, чтобы фактически убѣдить прокуратора въ важности его. Но они этого не дѣлаютъ и повидимому ожидаютъ, что Пилать немедленно, безъ дальнѣйшаго разслѣдованія, исполнить ихъ приговоръ, между тѣмъ какъ самъ Пилать хочетъ разслѣдовать обвиненіе формальнымъ судебнымъ порядкомъ, не желая быть простымъ орудіемъ въ рукахъ іудеевъ. Такое совершенно отличное отъ желанія іудеевъ намѣреніе прокуратора въ связи съ тономъ ихъ отвѣта является для насъ достаточнымъ подтвержденіемъ того, что все его поведеніе при этомъ было для іудеевъ довольно новымъ и необычайнымъ и что потому тѣмъ болѣе было чувствительно связанное съ нимъ униженіе ихъ.

Такимъ образомъ Пилать вѣроятно, первый изъ прокураторовъ потребовалъ отъ іудеевъ представлять ему на утвержденіе смертныя приговоры ихъ синедріона. Слѣдующіе за нимъ прокураторы Феликсъ и Фестъ еще болѣе ссузили границы свободной дѣятельности синедріона: синедріонъ, еще при Пилатѣ собиравшійся самостоятельно, былъ собираемъ и распускаемъ этими прокураторами по ихъ собственному усмотрѣнію. Іудеямъ даже формально воспрещено было самимъ собираться въ свое верховное судилище и, такимъ образомъ, этотъ древній національный институтъ іудейскій постепенно обезличивался и сходилъ со сцены. Поэтому, когда первосвященникъ Ананъ рѣшился для своихъ цѣлей самъ собрать синедріонъ, то за этотъ противузаконный поступокъ былъ отрѣшенъ отъ своей должности. Далѣе у Іосифа нѣтъ болѣе опредѣленныхъ извѣстій о синедріонѣ. Да о настоящемъ судопроизводствѣ едва ли можно было и говорить въ то время. Частыя возмущенія іудеевъ смѣнялись соотвѣтствующими насиліями римлянъ, пока чрезъ нѣсколько лѣтъ не возгорѣлась война, самая роковая изъ всѣхъ когда либо бывшихъ, окончившаяся разрушеніемъ іудейской столицы и политической гибелью іудейскаго народа.

Est A-16913

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00867540 9